

Шэнь Цинцин продолжала невозмутимо попивать чай. Её вид был настолько безмятежным, словно время замерло, а в мире царил полный покой.

Сюй Янь же, покинув банкет, перестал скрывать свою тревогу — его поспешные шаги выдавали всё с головой. Он мчался во Дворец Куннин, одержимый лишь одним желанием: как можно скорее увидеть Шэнь Цинцин.

Вскоре он достиг ворот дворца. Взглянув на табличку над входом, он невольно поморщился — три золотых иероглифа, сиявшие под ярким солнцем, резали глаз. Мысль о том, что она — императрица другого человека, чужая жена, сводила его с ума от ревности. Он и сам не понимал, почему так привязался к женщине, которую видел всего однажды. Однако врать себе было бессмысленно: именно она приходила к нему в снах каждую ночь, именно о ней он грезил наяву.

Узнав, что ей грозит опасность, он потерял голову и примчался сюда, не раздумывая. Не дожидаясь доклада слуг, он ворвался внутрь. Каждая секунда была на счету. Промедление хоть на миг означало, что она остаётся в опасности.

Шэнь Цинцин листала сборник новелл, и её тонкие пальцы уже готовы были перевернуть страницу, чтобы узнать продолжение, как вдруг заметила мелькнувшую тень, быструю, словно леопард. Она отложила книгу и расплылась в улыбке. Живой мужчина был куда интереснее любого вымышленного сюжета.

На нём всё тот же чёрный парчовый халат. Кажется, этот А-Янь питает особую слабость к чёрному, в отличие от А-Яня другого. Тот, вечно болезненный, носил в основном бело-голубые полосатые одежды или просто белое, напоминая собой хрупкую болезненную красоту. Этот же А-Янь был его полной противоположностью. Юный генерал, холодный, но притягательный в своей дерзости и необузданности, он заставлял сердце биться чаще.

В мгновение ока Сюй Янь оказался перед ней. Не успев перевести дыхание, он сбивчиво спросил:

— С тобой... всё в порядке? Ничего... не болит?

Шэнь Цинцин сразу всё поняла: видимо, А-Янь узнал о случившемся. Конечно, с ней всё было в порядке, но разве можно упустить такой шанс?

— О чём ты? — притворно удивилась она. Она смотрела на него, взлохмаченного, сбившегося с дыхания, в помятых одеждах — он совершенно не заботился о том, как сильно этот вид подрывает его генеральский авторитет.

Сюй Янь, не зная, выпила ли она то вино с зельем, не мог определить её состояние. На первый взгляд она выглядела здоровой, но лекарство могло подействовать не сразу. Оставалось только наблюдать.

Его взгляд был прикован к её совершенному лицу: губы, яркие без всякой помады, тонкие черты, кожа белее снега и глаза, полные невыразимого очарования. Даже в простом повороте головы чувствовалась ошеломляющая красота.

Он не мог представить, как она отдаётся другому. Мысль о том, что кто-то другой мог видеть её в ином обличье, что кто-то посмел подсыпать ей эту отраву... Если бы у них вышло, её бы опозорил какой-нибудь стражник. Сюй Янь хотелось убить негодяя. Несмотря на семейный завет Сюй — не поднимать руки на женщин и детей, даже на войне, — он никогда никого не ненавидел так сильно, как Линь Ханьшуан.

Шэнь Цинцин видела, как он изучает её. Видимо, А-Янь не уверен, подействовал ли яд, и хочет остаться, чтобы проследить за её реакцией. Она отослала слуг, и во внутренних покоях они остались одни. Все, кто находился во Дворце Куннин, были её верными людьми, а шпионов из других дворцов она давно выставила. Она была уверена: без её ведома здесь не случится ничего, о чём могли бы узнать посторонние.

— Раз пришёл, не стой, — сказала она, заметив, как пристально он смотрит на неё.

Сюй Янь молча сел.

— А-Янь, здесь только мы двое, к чему эти формальности?

Шэнь Цинцин, видевшая, что он сел на расстоянии трёх чи от неё, сама подошла к нему и, наклонившись, прошептала что-то на ухо. Сюй Янь почувствовал её дыхание — оно было таким близким и волнующим, что по телу пробежала дрожь, а уши невольно покраснели.

— Ваше Величество, прошу, помните о своём статусе.

После банкета они не виделись, и Сюй Янь не был уверен, какое место занимает в её сердце.

— А-Янь, я же просила называть меня Цинцин. Забыл так быстро?

Шэнь Цинцин всё ещё шептала ему на ухо, но теперь пододвинулась ещё ближе. Её алые губы почти касались его уха, создавая иллюзию поцелуя. Сюй Янь едва сдерживал свои безумные порывы. Но она не отстранилась, а напротив, стала вести себя ещё смелее, словно играла с огнём.

Не давая ей шанса отступить, Сюй Янь схватил её за руки и притянул к себе. Теперь Шэнь Цинцин оказалась в его крепких объятиях.

— Помнишь, что я сказал в прошлый раз? — прошептал он ей на ухо низким, хриплым от сдерживаемого напряжения голосом.

Шэнь Цинцин уловила в его тоне нечто большее, чем вопрос, и решила подлить масла в огонь:

— О чём именно?

А когда он уже был готов взорваться от ярости, она добавила:

— О том, что у меня должен быть только один мужчина — ты?

Услышав это, Сюй Янь почувствовал мимолётную радость, но тут же новые, пугающие мысли захлестнули его. А следующие слова Шэнь Цинцин вызвали у него лишь приступ ярости:

— Этого условия я не выполнила.

Сюй Янь сжал её в объятиях ещё сильнее, словно хотел вплавить её в свою плоть.

— Тогда зачем ты пришла меня соблазнять? Я ведь предупреждал о последствиях! — вскричал он. Ему хотелось задушить эту женщину, но он не мог. Она явно считала его своей игрушкой, а он не собирался с этим мириться. Его гордость и достоинство не позволили бы ему стать чьей-то забавой.

Шэнь Цинцин ощущала его гнев и с долей озорства подумала: он сейчас похож на рассерженного кота. Ей нравилось видеть его в таком состоянии. Для других он был разъярённым львом, но для неё — лишь милым злющим котиком.

— А-Янь, не пугай меня, мне страшно, — продолжала она дразнить его, желая посмотреть, что будет дальше.

Сюй Янь слышал лишь провокацию. Она говорила, что боится, но в её голосе и взгляде не было ни капли страха. Ни один призрак в это не поверит — казалось, она даже ждёт его наказания.

— Тебе не следовало меня трогать. Я не стану чьей-то игрушкой для развлечения от скуки, — отрезал он.

Для Шэнь Цинцин эти слова не звучали угрожающе.

— Значит, мне стоит поискать кого-то другого?

Не дав ей договорить, Сюй Янь рявкнул:

— Смеешь?! Если ты попробуешь сблизиться с кем-то другим, я убью его.

Стоило ему представить, как она флиртует с другим, как в нём просыпалось желание убивать.

А эту женщину в своих объятиях он хотел запереть на замок, чтобы она видела только его и никогда больше не смотрела на других мужчин. Что же делать? Он больше не мог сдерживаться. Он хотел воплотить в реальность то, о чём мечтал каждую ночь. Он не хотел больше слышать её язвительных слов — он хотел услышать от неё совсем другие звуки.

<http://bllate.org/book/21590/2225381>